

УДК 1:62:004.8 + 316.4

СТАТУС ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾, А. И. ВЕРЕЩАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Технические объекты с искусственным интеллектом (ТОИИ) все чаще проявляют себя в различных сферах жизни общества. Возникает все больше ситуаций, когда ТОИИ выполняют функции, осуществляемые ранее только человеком. Рассматриваемые объекты не имеют соответствующего статуса, чтобы считаться социальным субъектом, автором произведения или нести ответственность за совершенные действия. Характер отношений таких объектов с другими социальными акторами, а также нормы, регулирующие эти взаимоотношения, остаются во внимании исследователей. В связи с этим по всему миру предпринимаются попытки установления юридического статуса ТОИИ и правового регулирования в этой сфере. Сделан вывод о том, что правовое регулирование должно основываться на понимании онтологического и социального статуса ТОИИ, т. е. на восприятии специфики этих объектов как форм бытия, их социальных ролей и функций в системе общественных отношений. Для осмысления уникального статуса ТОИИ использовались современные философские концепции (исследование науки и техники, акторно-сетевая теория и постфеноменология). Сформулированы основные условия и принципы регулирования в сфере производства и распространения ТОИИ.

Ключевые слова: философия техники; искусственный интеллект; технические объекты с искусственным интеллектом (ТОИИ); онтологический и социальный статус ТОИИ; регулирование в сфере искусственного интеллекта; постфеноменология; акторно-сетевая теория.

Образец цитирования:

Добродный ДГ, Верещако АИ. Статус технических объектов с искусственным интеллектом в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:66–74.
EDN: IALYPG

For citation:

Dabrarodni DG, Verashchaka AI. The place of artificial intelligence technologies in the modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:66–74. Russian.
EDN: IALYPG

Авторы:

Данила Григорьевич Добродный – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования.
Алексей Иванович Верещако – кандидат философских наук; начальник центра цифровых и мультимедийных технологий в образовании.

Authors:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social Science and Humanities Education.
danila_dobr@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>
Aliaksei I. Verashchaka, PhD (philosophy); head of the Center for Digital and Multimedia Technologies in Education.
aleshaverashchaka@yandex.ru

THE PLACE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE MODERN SOCIETY

D. G. DABRARODNI^a, A. I. VERASHCHAKA^a

^aBelarus State Economic University,
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Corresponding author: A. I. Verashchaka (aleshaverashchaka@yandex.ru)

Artificial intelligence technologies (AIT) are increasingly manifesting themselves in various spheres of society. There are more and more situations when AIT perform functions that were previously performed only by a man, but at the same time they do not have the appropriate status to be considered a social subject, the author of a work or be responsible for the actions committed. The question about the status of AIT arises, that is, about the nature of the relations of such objects with other social actors, about the norms governing these relationships, about mutual responsibility. In this regard, attempts are being made around the world to establish the legal status of AIT and legal regulation in this area. However, in our opinion, legal regulation should be based on understanding of the ontological and social place of AIT, that is, on understanding of the specifics of such objects as forms of being, their social roles and functions in the system of social ties and relationships. Modern philosophical concepts will help us in understanding the unique state of AIT (research of science and technology, actor-network theory and postphenomenology). In the end of this article the main conditions and principles of regulation in the field of production and distribution of AIT are formulated.

Keywords: philosophy of technology; artificial intelligence; artificial intelligence technologies (AIT); ontological and social status of AIT; regulation in the field of artificial intelligence; postphenomenology; actor-network theory.

Научно-технический прогресс меняет окружающий мир. Наиболее заметно это проявляется в насыщении среды техническими устройствами. На работе, учебе или в повседневной жизни мы ежедневно пользуемся техникой. Мы понимаем, насколько зависимыми становимся от нее, но отказаться от благ, которые дает нам технический прогресс, не представляется возможным. В философии уже существует обширная традиция осмысления техники как феномена культуры и цивилизации и как фактора социальной динамики и жизни личности [1]. Тем не менее происходящие в техносфере изменения заставляют нас снова вернуться к вопросу о том, какое место занимает техника в жизни общества.

В первую очередь, это обусловлено появлением технических объектов, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта (ИИ) и благодаря этому обладающих высокой степенью автономности, независимо от человека. В данной статье понятие «технические объекты с искусственным интеллектом» (ТОИИ) охватывает весь спектр устройств, роботов и программного обеспечения, способных выполнять функции, которые ранее могли быть осуществлены исключительно человеком благодаря его интеллектуальным способностям. Возрастающая функциональная сложность техники позволяет человеку делегировать ей отдельные действия и даже сложные операции и процессы, которые ранее выполнялись, управлялись или контролировались только им как сознательным существом, несущим моральную и юридическую ответственность перед другими членами общества [2]. Показательными примерами считаются беспилотные транспортные средства и автономные

дроны, использование которых становится все более массовым. Беспилотный автомобиль может самостоятельно выбирать маршрут, следить за дорогой и реагировать на факторы среды во время движения (сигналы светофора, движение других транспортных средств). Однако чем больше беспилотных автомобилей появятся на дорогах, тем больше будет происшествий. Примером такого случая может послужить авария, произошедшая 18 марта 2018 г. в г. Темпе (штат Аризона, США): беспилотный автомобиль Volvo XC90 насмерть сбил 49-летнюю женщину¹. Она переходила улицу в неполюженном месте с велосипедом и сумкой на руле. Автопилот не смог сразу правильно распознать человека, и автомобиль не успел остановиться. Случившееся поставило вопрос о переосмыслении проблемы ответственности технических средств за причиненный людям вред. Еще несколько лет назад в таком дорожно-транспортном происшествии ответственность делили бы между собой пешеход и водитель транспортного средства. В ситуации, когда автомобилем управляет ИИ, принимающий решение о маневре, в результате которого погибает человек, возникает вопрос о том, должен ли ИИ взять на себя ответственность за совершенную ошибку. Современный юридический (или этический) дискурс не допускает положительного ответа, поскольку ТОИИ не обладает сознанием и субъектностью, не принимает решение сам, а значит, не может нести ответственность за содеянное. Но, если ТОИИ достаточно автономен, чтобы самостоятельно маневрировать и решать, остановиться ему или нет, не нужно ли переосмыслить его статус? Ведь он является полноценным участником движения.

¹Death of Elaine Herzberg // Wikipedia : site. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Death_of_Elaine_Herzberg/ (date of access: 12.11.2023).

Другой актуальный пример – беспилотные летательные аппараты, используемые военными и специальными службами. Современные беспилотные летательные аппараты на основе разработанного алгоритма способны принимать решение о поражении цели (в том числе человека), не обращая при этом к человеку-оператору для подтверждения действия [3]. Иными словами, они принимают максимально ответственное решение, касающееся человеческой жизни, которая составляет высшую ценность. Вновь возникает вопрос об ответственности за принятое решение. Человек-оператор дрона, как любой человек с оружием, отвечал бы за совершенное преступление перед законом и своей совестью, а автономный беспилотный летательный аппарат полностью освобождается от ответственности согласно существующим представлениям, поскольку он рассматривается как технический неживой объект, а не как субъект социального действия.

Проблема онтологического статуса ТОИИ затрагивает не только ситуации ответственности за социальные действия, имеющие негативные последствия. Не менее актуальной является проблема субъектности ТОИИ в осуществлении творческой деятельности и создании чего-то нового. В 2016 г. появилась программа «3э некст Рембрандт» («The next Rembrandt»), создающая на основе анализа работ Х. Р. Рембрандта картины в его стиле, которые сложно отличить от оригинальных. Американский ученый и композитор Д. Коуп разработал программу «Эмили Хауэлл» («Emily Howell»), способную писать музыку, имитирующую творчество И. С. Баха, Л. Бетховена, Ф. Ф. Шопена и др. [4]. Никто не сомневается в уникальности художественных произведений, созданных выдающимися представителями человечества, и не ставит работы ИИ в один ряд с ними. Однако абсолютное большинство простых людей не способны создавать подобное. В то же время многие авторские произведения не отличаются оригинальностью и особой эстетической ценностью. Может ли ИИ частично претендовать на авторство своих произведений? Ведь он создает что-то новое, пусть и используя для этого уже существующий материал. И. Ньютон говорил о том, что даже великие ученые стоят на плечах гигантов, используя для своих открытий предшествующий опыт и знания человечества.

Приведенные примеры – это иллюстрации новой реальности, где ТОИИ взаимодействуют с людьми на совершенно новом уровне. Техника, которая анализирует ситуацию, принимает решение, создает новые объекты и совершает действие, направленное на человека или имеющее непосредственное отношение к нему, не может рассматриваться

как простой объект и пассивный инструмент в руках человека. ТОИИ функционируют на основании настолько сложных алгоритмов, что изучать их как детерминистические системы, однозначно направляемые волей конкретного человека, невозможно. ТОИИ способны анализировать данные, поступающие из внешней среды, учитывать различные факторы, принимать решение о выборе наиболее обоснованного действия и совершать его.

Вопрос о социальном и онтологическом статусе ТОИИ не может быть чисто философским, поскольку предполагает переосмысление всей картины мира человека, в которой появляется еще кто-то разумный, активный и производительный. Кроме того, такое переосмысление должно привести к разработке программы реальных действий, которые уже сейчас нужно выполнить для регулирования процессов в сфере производства и применения ТОИИ. Еще в 2017 г. Саудовская Аравия стала первой страной, которая предоставила андроиду Софии гражданство, уравнив ее в правах с человеком. Конечно, такое решение было принято скорее в рекламных целях, чтобы привлечь внимание к стране и ее открытости к технологическим инновациям. Тем не менее согласно ежегодному отчету Стэнфордского университета, посвященному анализу тенденций в области ИИ, количество законопроектов (127 стран), в которых упоминается ИИ, возросло с 1 в 2016 г. до 37 в 2022 г., что говорит об актуализации внимания к проблеме со стороны политиков, а значит, переосмысление статуса ИИ уже началось.

Европейский союз является мировым лидером в стремлении законодательно урегулировать статус ИИ. В апреле 2021 г. Европейская комиссия предложила проект первого закона об ИИ – «Акт об искусственном интеллекте» («Artificial intelligence act»)². Основная цель закона – дать «технологически нейтральное определение ИИ» и установить классификацию систем ИИ на базе «подхода, основанного на риске»³. Законодательно утвержденное определение ИИ должно положить конец всевозможным дискуссиям и стать рабочей формулировкой для использования в юридической практике и социальных взаимодействиях. Классификация систем ИИ по группам риска должна помочь разработчикам и пользователям систем ИИ устанавливать четкие требования и ограничения в отношении этих систем. Создатели законопроекта заявляли, что актуальность такого акта обусловлена слишком быстрым развитием технологий ИИ и необходимостью хоть как-то регулировать действия ИИ в данной сфере для снижения потенциальных рисков от их использования. Однако законопроект до сих пор находится на стадии обсуждения, в него вносится множество поправок,

²Proposal for a regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts // EUR-lex : site. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (date of access: 12.11.2023).

³EU AI Act: first regulation on artificial intelligence // Eur. parliam. : site. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/society/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence> (date of access: 12.11.2023).

а страны Европейского союза не могут договориться между собой о степени ограничения и ответственности заинтересованных сторон.

Трудности возникли уже на стадии определения основного понятия. Пока обсуждался проект закона, в 2022 г. произошел настоящий прорыв в сфере разработки генеративных нейронных сетей наподобие *ChatGPT*, и это заставило законодателей изменить определение ИИ, используя понятие «базовая модель»: «Базовая модель (fundamental model, FM) – это крупные нейронные сети с глубоким обучением. <...> Термин FM применяется для описания моделей, обученных на широком спектре обобщенных и немаркированных данных. Они способны выполнять широкий спектр задач: понимание языка, генерирование контента и общение на естественном языке»⁴.

Помимо разработки определения ИИ, закон должен выполнять регулятивные функции и с помощью ограничений и запретов устанавливать легальное поле создания и использования ИИ. Для этого в законопроекте все системы ИИ разделены на четыре группы: группу неприемлемого риска, группу высокого риска, группу генеративного ИИ и группу ограниченного риска.

Группа неприемлемого риска. К данной группе относятся системы ИИ, которые представляют угрозу для людей и должны быть запрещены. Это технологии когнитивно-поведенческой манипуляции, например игрушки, которые поощряют опасное поведение у детей. В группу входят и такие технологии социального рейтинга, как классификация людей на основе поведения, социально-экономического статуса или личных характеристик [5]. Также под запрет попадают системы биометрической идентификации в реальном времени – распознавания лиц.

Группа высокого риска. Системы ИИ, негативно влияющие на безопасность или основные права человека, считаются высокорискованными и разделяются на две категории:

- системы ИИ, которые используются в продуктах, подпадающих под действие законодательства ЕС о безопасности продукции, – игрушках, авиации, автомобилях, медицинском оборудовании и лифтах;
- системы ИИ, которые должны пройти лицензирование и регистрацию в базе данных ЕС, – биометрическая идентификация и категоризация физических лиц, управление критической инфраструктурой и ее эксплуатация, образование и профессиональная подготовка, занятость, управление персоналом и доступ к самозанятости, правоохранные системы,

помощь в юридическом толковании и применении закона и др.

Все системы ИИ высокого риска будут оцениваться перед выходом на рынок, а также на протяжении всего их жизненного цикла.

Группа генеративного ИИ. Генеративный ИИ, такой как *ChatGPT*, должен будет соответствовать требованиям прозрачности: раскрывать информацию о том, что контент был создан ИИ, предотвращать появление незаконного контента, предоставлять информацию о базах данных и авторских публикациях, на основе которых обучался ИИ.

Группа ограниченного риска. Системы ИИ с ограниченным риском должны соответствовать минимальным требованиям прозрачности, которые позволят пользователям принимать обоснованные решения о том, хотят ли они продолжать использовать ИИ. Пользователи должны быть осведомлены о том, что они взаимодействуют с ИИ. К этой группе относятся системы, которые генерируют или обрабатывают изображения, аудио- или видеоконтент⁵.

Стоит отметить, что правовое решение проблемы статуса ИИ является вторичным по отношению к определению его онтологического и социального статуса. Прежде всего нужно осознать и определить то, какое место занимают и будут занимать ТООИ в системе социальной коммуникации, а также достичь консенсуса в нравственной оценке ТООИ, которая во многом будет продиктована реальной практикой взаимодействия человека с ТООИ и эмоционального отношения людей к ним. Сегодня люди испытывают страх по отношению к технике и ИИ и предвзято относятся к ним. Именно страх перед неизвестностью, непредсказуемостью рисков и угроз заставляет законодателей торопиться с принятием всевозможных ограничительных мер и запретов. Эта проблема существовала и раньше. Например, первые здания железнодорожных вокзалов в Великобритании напоминали отделения банков, чтобы своим видом вызвать доверие у пассажиров нового на тот момент вида транспорта. Среди граждан того времени бытовало мнение о том, что развиваемая паровозом скорость 60 миль в час, а также резкие ускорения, шум и вибрация вагона вызывают у человека безумие и даже повреждают его мозг⁶. В начале XX в. будущая автомобильная держава, т. е. США, также не была избавлена от предрассудков в отношении автотранспорта, что нашло свое отражение в целом ряде антиавтомобильных законов в сельскохозяйственных штатах Северной Америки [6].

⁴Чикишев Н. ЕС никак не может принять закон об искусственном интеллекте. В чем загвоздка? // Дев.бай : сайт. URL: <https://devby.io/news/es-nikak-ne-mozhet-prinyat-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-v-chem-zagvozdka>.amp (дата обращения: 13.11.2023).

⁵Proposal for a regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts // EUR-lex : site. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (date of access: 12.11.2023).

⁶Hayes J. The Victorian belief that a train ride could cause instant insanity // Atlas Obscura : site. URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/railway-madness-victorian-trains> (date of access: 07.12.2023).

Изобретение парового двигателя и последующее становление промышленной революции явились причиной социально-политических потрясений в Европе в XVIII–XIX вв. Всеобщее замещение ручного труда машинным приводило к массовым увольнениям рабочих, но одновременно создавало новые вакансии на рынке труда, связанные с техническим обслуживанием и эксплуатацией машин. Современная ситуация специфична тем, что технико-технологический прогресс прошлого затрагивал только физический труд. Революционность ТОИИ состоит в том, что впервые в истории у человека появился конкурент в интеллектуальной и творческой сферах. Реакция общества на эту тему осталась прежней – призывы к запретам и ограничениям. Одним из показательных примеров борьбы с ИИ является забастовка объединения сценаристов западной части Америки (*Writers Guild of America West*), продолжавшаяся 148 дней (со 2 мая по 27 сентября 2023 г.). Одним из выдвинутых бастующими требований было регулирование использования ИИ в проектах по договору минимального базового соглашения (*the minimum basic agreement*), т. е. коллективного договора, который охватывает права, обязанности и защиту большей части работы, выполняемой вышеупомянутым объединением. «ИИ не может писать или переписывать литературные материалы; не может быть использован в качестве исходного материала; материалы МВА нельзя использовать для обучения ИИ»⁷. Эта забастовка завершилась принятием меморандума, включающего следующие пункты⁸:

- ИИ не может писать или переписывать литературные материалы, созданные им работы не будут считаться исходными в рамках минимального базового соглашения, а это означает, что последние не могут быть использованы для подрыва авторитета писателя или его отдельных прав;

- писатель может применять ИИ при оказании услуг по написанию текста, если компания дает на это согласие и если автор соблюдает ее политику, однако она не может требовать от писателя использования программного обеспечения с ИИ;

- компания должна сообщить автору, если предоставленные ему материалы созданы с помощью ИИ;

- объединение сценаристов США оставляет за собой право утверждать, что использование произведений авторов для обучения ИИ запрещено упомянутым соглашением или другими законами⁹.

Попытки участников забастовки ограничить применение ИИ в сфере кинематографа согласуются со

стремлением европейских законодателей ввести запреты и лимиты на использование определенных систем ИИ на территории ЕС, а также с призывом Института будущего жизни, опубликованным 22 марта 2023 г., ввести на полгода мораторий на дальнейшие разработки и обучение нейронных сетей, таких как *ChatGPT*¹⁰. Все это обусловлено страхом человека перед непредсказуемыми последствиями научно-технического прогресса. Предложения ограничить скорость движения поездов, ввести законы, принуждающие водителей автомобилей полностью останавливаться и уступать дорогу гужевому транспорту – это яркие примеры проявления технофобии прошлого, которые сегодня выглядят нелепо. Возникает вопрос о том, в какой временной перспективе призывы о запрете и ограничении развития ИИ будут восприниматься с такой же долей иронии.

Современная философия техники предлагает несколько новых интерпретаций ТОИИ, которые позволяют по-другому взглянуть на их статус в системе общественных отношений. Важной исторической вехой переосмысления техники стали «исследования науки и техники», изучающие процесс создания и развития технических объектов в социальном, историческом и культурном контекстах. Развитие технологий в данной области междисциплинарных исследований представляется как исторический процесс, где общество и техника являются взаимобусловленными. Она возникла как направление социологии научного знания, поэтому ориентирована прежде всего на эмпирические методы исследования конкретных технических объектов.

В качестве примера такого подхода можно назвать работу В. Е. Бейкера об эволюции велосипеда [7]. Они продемонстрировали то, как различные заинтересованные социальные группы Англии (XIX в.), исходя из разных взглядов на использование велосипеда, влияли на процесс его развития. Проанализировав большое количество исторических документов, авторы выделили следующие группы людей: группу профессиональных спортсменов, группу простых людей, группу состоятельных денди и группу женщин. Для одних велосипед был повседневным транспортным средством, для других – средством отдыха и развлечения, транспортом для туристических прогулок или скоростных гонок. Каждая из социальных групп открыто излагала свою позицию, что заставило инженеров той эпохи прислушаться к ним и сделать велосипед более универсальным, комфортным и безопасным. В итоге велосипед от

⁷Arroyo D. New writer's strike threatens the future of all TV series and declares war on Ai // MeriStation : site. URL: <https://en.as.com/meristation/news/new-writers-strike-threatens-the-future-of-all-tv-series-and-declares-war-on-ai-n/> (date of access: 07.12.2023).

⁸Wilkinson A., Stewart E. The Hollywood writers' strike is over – and they won big // Vox media : site. URL: <https://www.vox.com/culture/2023/9/24/23888673/wga-strike-end-sag-aftra-contract> (date of access: 07.12.2023).

⁹Summary of the 2023 WGA MBA // Writers Guild of America West : site. URL: <https://www.wga.org/contracts/contracts/mba/summary-of-the-2023-wga-mba> (date of access: 07.12.2023).

¹⁰Pause giant AI experiments: an open letter // Future of life institute : site. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments> (date of access: 07.12.2023).

модели с большим передним колесом без редуктора трансформировался в модель с ромбовидной рамой, одинаковыми по размеру колесами и цепной передачей заднего колеса.

Этот пример показывает, что инженерная мысль, с одной стороны, не развивается автономно от интересов общества, а с другой стороны, способна находить технические решения, приемлемые для всех заинтересованных в использовании инноваций социальных групп. Именно так следует рассматривать ТОИИ. Нужно не запрещать и не ограничивать их разработку и использование, а корректировать направление их развития в интересах всех сторон и социальных групп. Д. Е. Форсайт отмечал, что разработчики ИИ чаще всего являются представителями субкультур технических специалистов и обладают установками технического стиля мышления, технического видения задач и их решения [8]. Из-за этой точки зрения разработчикам трудно увидеть некую ценность в пользовательских запросах или субъективных оценках, а также в исследованиях и рекомендациях социальных наук. Инженерная картина мира препятствовала осознанию того факта, что между представлениями о реальности инженера-разработчика и простого пользователя может быть существенная разница.

Д. Е. Бейли и С. Р. Барли выделили две противоположные культурные парадигмы разработки ИИ [9]. Первой доминирующей парадигмой является представление об ИИ как об альтернативе человеческому сознанию. Она фокусируется главным образом на более эффективном решении интеллектуальных задач, которые выполнялись человеком, а также на потенциальной замене человека, выведении людей-работников из производственных циклов и полной автоматизации труда. Эту технократическую или утилитаристскую парадигму отстаивали первые ученые-компьютерщики, чье влияние в профессиональных кругах ИТ-специалистов все еще велико. Вторая парадигма называется «приумноженный интеллект», она ориентирована на «разработку интеллектуальных технологий, которые будут дополнять и помогать работникам в их задачах» [10].

Безусловно, парадигма «ИИ как альтернатива» весьма распространена, поскольку хорошо согласуется с логикой экономической эффективности, преследующей повышение рентабельности через снижение затрат на рабочую силу. Однако именно это больше всего пугает людей и несет огромные риски при использовании ИИ. Люди боятся остаться без работы и быть ненужными, их тревожит автономная и бесконтрольная активность ИИ. По этой причине перспективной представляется парадигма «приумноженный интеллект», которая хотя и несет потенциально большие издержки в краткосрочной перспективе, однако может дать больший результат благодаря синергии человека и ИИ [11].

Акторно-сетевая теория является другой попыткой осмысления радикального изменения онтологии вещей [12]. Широкая трактовка действия как способствования, благоприятствования или содействия позволила пересмотреть в рамках данной теории значение технических артефактов, встроенных в сеть социальных связей. В ней ТОИИ, вплетенные в сложные многоуровневые связи с людьми и другими ТОИИ, представляются как полноценные акторы, способные совершать действия. Под действием в акторно-сетевой теории понимается и воздействие, содействие, способствование, создание возможности, не препятствие. Функции человека в конкретной ситуации и по заданному алгоритму выполняет техника, что говорит об автономности ее действий. Например, банк делегирует банкомату функцию кассира, состоящую в выдаче наличных или пополнении банковского счета клиента.

Современная техника более сложная и самостоятельная. Представление о ТОИИ, способных к автономному восприятию окружающей среды и вариативному ответу этой среде, уже не кажется чем-то комичным или футуристичным. В 2023 г. ИИ может распознавать лица, писать картины в стиле П. Пикассо, создавать музыкальные композиции и даже сценарии к кинофильмам или продолжения популярных книг. ТОИИ действуют (или, скорее, воздействуют), и забастовка сценаристов США является результатом этого воздействия.

Значимый вклад в развитие философского осмысления проблематики взаимодействия человека и техники внесен рядом исследователей, относящих себя к представителям постфеноменологической традиции [13; 14]. Постфеноменология изучает изменения телесного опыта при использовании людьми технических артефактов и технологий. Обобщая различный эмпирический материал, философы настаивают на неинструментальном понимании сущности техники, демонстрируя то, насколько глубоко технические объекты встроены в повседневные практики.

В постфеноменологическую интерпретацию техники входят четыре основополагающих направления. Первое состоит в том, что технические объекты рассматриваются как медиаторы между человеком и миром. Техника расширяет границы телесного опыта, приумножая горизонт человеческих возможностей. Например, телескоп помогает видеть далекие объекты, микроскоп – крошечные объекты, очки – объекты окружающего мира, а прибор ночного видения – объекты окружающего мира в темное время суток. Эти технические средства расширяют границы человеческого тела, что, в свою очередь, создает предпосылки для появления новых форм взаимодействия с миром.

Второе направление – герменевтическое отношение между человеком и техникой. Такое отношение возникает, когда ТОИИ сообщают человеку

информацию об объективном мире. Эти данные необходимо уметь читать и интерпретировать. Хорошим примером служат изображения, которые проецирует аппарат УЗИ. Только специалист может их трактовать. Для обывателя эта информация выглядит как абстрактная черно-белая картинка.

Третье направление интерпретации связано с представлением техники как квазидругого, взаимодействуя с которым человек вынужден осваивать новые знания и навыки. Техника в целом представляет собой мир, устроенный по собственным законам и правилам. Такие технические объекты, как компьютеры, голосовые помощники и виртуальные консультанты, специализированное программное обеспечение (от программ, предназначенных для бухгалтерского учета, до спектрального анализа звезд), выступают квазидругим для человека. Инаковость техники заключается в ее автономности, способности предлагать или принимать решения, а также совершать какие-либо действия. Использование технических объектов, которые выполняют сложные функции, как бы очеловечивает технику, побуждая человека взаимодействовать с ней, как с *Другим*.

Четвертое направление связано с осмыслением техники, находящейся в фоновом взаимодействии с человеком. Эти технические объекты и технологии (центральное отопление, электричество, климат-контроль, камеры видеонаблюдения, интернет и умный дом) окружают людей, но не находятся в фокусе их внимания постоянно. Они стали частью обыденности, повседневного опыта, незаметным условием комфортного существования человека. Они привлекают внимание лишь тогда, когда выходят из строя и уже не обеспечивают тот уровень комфорта, к которому привык человек.

Технические объекты расширяют границы телесного опыта, распространяя его за пределы физического тела. С точки зрения постфеноменологии ИИ – квазидругой, существующий вне конкретного физического места. И если человеческое присутствие в мире всегда ограничено его телесностью, то нейронные сети впервые в истории человечества стали условием возможности выхода человека за пределы физического присутствия. Поиск продуктивных и безопасных способов взаимодействия людей с ИИ требует обнаружения новых творческих и интеллектуальных подходов. Осмысление ТОИИ в категориях постфеноменологии и обучение человека осознанному взаимодействию с ними позволяют выработать адекватный способ восприятия современных технологий. Сложность решения этой задачи обусловлена консервативными представлениями людей о своей субъектности, рациональности, свободе, воле, а также иррациональной верой в свою исключительность. Данные предубеждения пока не позволяют человеку воспринимать ТОИИ за пределами технократической и утилитарной парадигмы, а следовательно, в полной мере оценивать

их потенциал, возможности и правила взаимодействия с ними.

Рассмотренная трактовка онтологического и социального статуса ТОИИ, а также перспектив и рисков их дальнейшего развития, количественного роста и распространения позволяет сформулировать основные выводы относительно условий и принципов регулирования и взаимодействия в данной сфере.

Во-первых, осознавая высокие риски, связанные с распространением ТОИИ, увеличением их автономности и функциональной сложности, необходимо создать комплексную систему контроля за разработкой и применением ТОИИ, включающую общественную, этическую и техническую экспертизу, правовое регулирование и политический контроль. Эта задача предполагает институционализацию сообщества экспертов в области ИИ в качестве департамента, непосредственно взаимодействующего с правительством и органами законодательной власти для оперативного решения возникающих проблем. Такой департамент мог бы взять на себя функцию государственного регулятора и контролера в сфере производства и реализации ТОИИ, выступать с законодательными инициативами, стать площадкой для публичного обсуждения проблем и рисков, связанных с ТОИИ, а также осуществлять просветительскую и прогностическую функции.

Во-вторых, следует формировать и реализовать аксиологическую парадигму в области разработки и использования ТОИИ, которая должна прийти на смену утилитарной парадигмы. ТОИИ – это не просто инструмент в руках человека, неживая и инертная сущность, применяемая в конкретных целях. Уже на стадии разработки ТОИИ необходимо учитывать их последующее автономное существование, а значит, закладывать в них определенные фундаментальные ценности, которые должны обладать приоритетом по отношению к выполняемым функциям (своеобразный аналог законов робототехники А. Азимова), чтобы снизить вероятность пугающего всех противостояния человека и машины. Кроме того, следует проводить целенаправленную работу по изменению аксиологического отношения человека к ТОИИ. Человечество прошло долгий путь переосмысления статуса животных в частности и природы в целом, пока научилось их по-настоящему ценить. Не менее сложным является переосмысление аксиологического статуса технического объекта. Техника уже сейчас способна вызвать у человека эмпатию, чувства заботы, привязанности, сострадания, горечь утраты и даже любовь. Важно осознать значимость ТОИИ как явления нового мира и как сущности, обладающей самобытной ценностью, независимо от конкретной полезной функции, которую она выполняет.

В-третьих, парадигма «приумноженный интеллект» должна быть закреплена в качестве приоритетной в разработке и эксплуатации ТОИИ. Как было отмечено выше, рассмотрение ИИ как альтернативы

человеческого сознания провоцирует большинство связанных с ИИ страхов и предубеждений. Необходимо изменить взгляд на проблему и относиться к ИИ как к дополнению человеческого сознания и как к универсальному помощнику и партнеру в человеческой деятельности. При этом такая смена касается не только нашего потребительского восприятия ТОИИ, когда мы приобретаем и используем их для того, чтобы заменить ими труд человека. Это относится и к разработчикам (производителям ТОИИ), и к регуляторам (юристам, политикам), которые должны своими решениями скорректировать технический прогресс не в направлении «вместо человека», а в направлении «вместе с человеком».

В-четвертых, учитывая активное включение ТОИИ в социальные взаимодействия, необходимо не только предусмотреть для них соответствующий социальный статус, например электронного лица, но и определить конкретные сферы его прав и обязанностей. Безусловно, придется делегировать ТОИИ право принятия решений и осуществления социальных действий (продвинутая версия электронного правительства). Соответственно, нужно предусмотреть механизм оспаривания принимаемых решений, дополнительного независимого контроля со стороны человека за деятельностью ТОИИ.

Возможно, следует ограничить или запретить применение ТОИИ в определенных сферах социальных коммуникаций, например в подготовительных и начальных учреждениях образования, чтобы не нанести вреда социализации человеческой личности, а также в сфере межличностной коммуникации, чтобы не использовать возможности ИИ для манипуляции человеческими чувствами. Стоит ограничить доступ ИИ к принятию политических решений высшего уровня, сохранив за ним консультационную функцию, и полностью запретить использовать ТОИИ в военных действиях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что ТОИИ способны совершать социальные действия, выполнять разнообразные функции в обществе наравне с людьми, а значит, могут претендовать на статус социального актора, субъекта социального взаимодействия и партнера в человеческой деятельности. Предполагает ли социальный статус соответствующую ответственность? Как он будет закреплён в правовой системе? Сопрягается ли он с моральными отношениями? Имеет ли такой социальный субъект моральную ценность? Эти сложные и интересные вопросы являются наиболее актуальными не только для современной философии техники, но и для всего социально-гуманитарного знания.

Библиографические ссылки

1. Верещако АИ. *Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники* [диссертация]. Минск: БГУ; 2022. 175 с.
2. Вахштайн ВС. *Техника, или Обаяние прогресса*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2021. 156 с.
3. Шамаю Г. *Теория дрона*. Блинов Е, переводчик; Алексеева А, редактор. Москва: Ад маргинем; 2020. 277 с.
4. Воробьева ИВ, Салахутдинов ВД. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта. В: Семенов АВ, редактор. *Малышевские чтения – 2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития. Материалы XVI Международной научной конференции. Часть 4*. Москва: Частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С. Ю. Витте»; 2020. с. 62–72.
5. Белокрылова ВА, Добродородный ДГ. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;1:18–26.
6. Kline R, Pinch T. Users as agents of technological change: the social construction of the automobile in the rural united states. *Technology and Culture*. 1996;37(4):763–795. DOI: 10.2307/3107097.
7. Bijker WE. The social construction of Bakelite: toward a theory of invention. In: Bijker WE, Hughes TP, Pinch TJ, editors. *The social construction of technological systems: new directions in the sociology and history of technology*. Cambridge: MIT Press; 1987. p. 159–187.
8. Forsythe DE. The construction of work in artificial intelligence. *Science, Technology & Human Values*. 1993;18:460–479.
9. Bailey DE, Barley SR. Beyond design and use: how scholars should study intelligent technologies. *Information and Organization* [Internet]. 2020 [cited 2023 October 29];30(2). Available from: <https://www.sciencedirect.com/getaccess/pii/S147177271830232X/purchase>.
10. Markoff J. *Machines of loving grace: the quest for common ground between humans and robots*. New York: Ecco; 2015. 400 p.
11. Курцвейл Р. *Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов*. Мосолова ТП, переводчик. Москва: Эксмо; 2018. 349 с.
12. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
13. Ihde D. *Experimental phenomenology: multistabilities*. 2nd edition. Albany: State University of New York Press; 2012. 216 p.
14. Rosenberger R. *Callous objects: designs against the homeless*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2017. XX, 89 p.

References

1. Vereshchako AI. *Dinamika issledovatel'skikh programm v klassicheskoi i postklassicheskoi filosofii tekhniki* [Dynamics of research programmes in classical and postclassical philosophy of technology] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2022. 175 p. Russian.
2. Vakhshstain VS. *Tekhnika, ili Obayanie progressa* [Technique, or The charm of progress]. Saint Petersburg: EUSP Press; 2021. 156 p. Russian.
3. Chamayou G. *Teoriya drona* [Drone theory]. Blinov E, translator; Alekseeva A, editor. Moscow: Ad marginem; 2020. 277 p. Russian.

4. Vorob'eva IV, Salakhutdinov VD. [Problems of legal regulation of artificial intelligence]. In: Semenov AV, editor. *Malysheskie chteniya – 2020. Nauka i obrazovanie: budushchee i tseli ustoichivogo razvitiya. Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chast' 4* [Malyshev readings – 2020. Science and education: the future and sustainable development goals. Materials of the 16th International scientific conference. Part 4]. Moscow: Private educational institution of higher education «Moscow University named after S. Yu. Witte»; 2020. p. 62–72. Russian.
5. Belakrylava VA, Dabrarodni DG. Convergence of social and information technologies and the problem of trust in a digital society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;1:18–26. Russian.
6. Kline R, Pinch T. Users as agents of technological change: the social construction of the automobile in the rural united states. *Technology and Culture*. 1996;37(4):763–795. DOI: 10.2307/3107097.
7. Bijker WE. The social construction of Bakelite: toward a theory of invention. In: Bijker WE, Hughes TP, Pinch TJ, editors. *The social construction of technological systems: new directions in the sociology and history of technology*. Cambridge: MIT Press; 1987. p. 159–187.
8. Forsythe DE. The construction of work in artificial intelligence. *Science, Technology & Human Values*. 1993;18:460–479.
9. Bailey DE, Barley SR. Beyond design and use: how scholars should study intelligent technologies. *Information and Organization* [Internet]. 2020 [cited 2023 October 29];30(2). Available from: <https://www.sciencedirect.com/getaccess/pii/S147177271830232X/purchase>.
10. Markoff J. *Machines of loving grace: the quest for common ground between humans and robots*. New York: Ecco; 2015. 400 p.
11. Kurzweil R. *Evolutsiya razuma, ili Beskonechnye vozmozhnosti chelovecheskogo mozga, osnovannye na raspoznavanii obrazov* [The evolution of the mind, or The infinite possibilities of the human brain bases on pattern recognition]. Maslova TP, translator. Moscow: Eksmo; 2018. 349 p. Russian.
12. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
13. Ihde D. *Experimental phenomenology: multistabilities*. 2nd edition. Albany: State University of New York Press; 2012. 216 p.
14. Rosenberger R. *Callous objects: designs against the homeless*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2017. XX, 89 p.

Статья поступила в редколлегию 08.12.2023.
Received by editorial board 08.12.2023.